

Анна Одувалова

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. It features a woman in a Victorian-style purple dress with gold lace and a matching hat with a feather. She stands in the foreground, looking slightly to the side. Behind her, a large, fluffy black cat with glowing green eyes and a long, flowing green-tinted tail is walking. The scene is set in front of a large, dark stone building with multiple windows and a chimney, under a cloudy, grey sky.

Верховцева

Бесприданница
со стажем

Анна Одувалова Верховцева. Бесприданница со стажем

<https://litres.ru/74386547>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я была лучшей в своей сфере. Меня уважали и боялись в прошлой жизни, но я очнулась в теле забитой воспитанницы пансиона в мире, так похожем на наш, но навечно застывшем в прошлом. Здесь есть магия, тайны и оживают древние легенды.

И тут моей жизни угрожает опасность.

Кто пытается избавиться от никому ненужной сироты?

Я должна это выяснить, если хочу воспользоваться вторым шансом, который мне дала жизнь. Я верну себе все, что потеряла, пусть и в непривычных условиях. Ведь нестигаемая сила воли, ум и целеустремленность одинаковы во всех мирах. А тут у меня в качестве бонуса есть магия.

Убийца ближе, чем мне кажется.

Причина весомее, чем я ожидала.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Анна Одувалова Верховцева.

Бесприданница со стажем

Глава 1

— Да, она... это она. На мать свою покойную весьма похожа, — услышала я сквозь странную, давящую пустоту и тотчас резко открыла глаза, приподнимаясь.

Низкое небо заволокло тучами, редкие капли дождя падали на лицо, а ветер шуршал свежими только распустившимися листьями на деревьях. От этого атмосфера казалась особенно тяжелой и гнетущей.

Послышался визг, сдавленный женский вскрик, но мужчина, склонившийся надо мной, сохранил абсолютное спокойствие. Просто приподнял бровь в вопросительном жесте и отстранился.

Он был хорош собой. Лет тридцати пяти, холеный, с холодными серыми глазами и весьма странно одетый. Серый фрак с воротником, отороченным бархатом, темно-синий жилет и под ним еще один — белый из плотной ткани, от которого выглядывал только воротничок и тонкая белоснежная сорочка. На голове высокий черный цилиндр со слегка

завернутыми кверху полями.

— Восстала! — раздалось чье-то испуганное. — Покойница-то восстала!

«Какая такая покойница?» — подумала я, пытаюсь сесть и только теперь осознавая, что кровать, на которой я лежала, была узкой, находилось в каком-то странном углублении и до неприличия напоминала гроб. Взгляд мой упал вниз... и остановился: уже сбившийся на бок саван, подвенечное платье, белое, словно первый снег, и худые бледные руки, все еще судорожно сжимающие крест.

Что! Черт возьми! Здесь! Происходит?!

Я обвела взглядом окрестности и обомлела. Гроб, в котором мне довелось очнуться, стоял на краю погоста возле небольшой хорошо известной мне церкви. Вокруг виднелись знакомые и чужие лица: вон наша госпожа начальница, Анна Ильинишна, вон воспитанницы пансионата, почти всех я знала лично, наш приходской священник отец Сергей, земский доктор, растерянно сжимающий в руках походный саквояж.

Воспоминания возвращались ко мне медленно, словно сквозь густой туман. Но я знала: меня зовут Верховцева Софья Михайловна, тысяча восемьсот тринадцатого года от Рождества Христова. Я помнила и это место, и свое падение с лестницы, которое было до того неожиданным и отчего-то подробности терялись в памяти. Но помнила я и другое — то, что не могло уместиться в сознании восемнадцатилетней

пансионерки Софьи.

От мыслей меня отвлек подскочивший ко мне батюшка, с выражением ужаса и решимости на лице, щедро плеснувший в меня святой водой из медной чаши.

— Изыди, нечисть окайнная! Изыди! — воскликнул он, потрясая кадилом.

Я вздрогнула, невольно выпустив из рук крест, и прикрыла лицо ладонями, чувствуя, как студеная влага стекает за воротник платья. Заметила краем глаза, как мужчина во фраке вздрогнул и поморщился, словно это ему в лицо святой водой плеснули, и был, он при этом, как минимум, черт!

— Да что вы, батюшка! — сказала я, стараясь придать голосу твердость. — Не померла я! Живая!

Голос этот был чужим, слишком молодым и высоким. Твердость ему не придавалась. Принадлежал он Софье, но вот только «я» помнила себя совершенно иной. У меня было другое имя, другой мир и, кажется, иная судьба. Я прожила долгую, хорошую жизнь... там. И там, похоже, я действительно умерла, прямо посреди очень важного совещания, за неделю до своего шестидесятилетия. И ведь каковы мерзавцы: обворовывали мою компанию, а я и наказать никого не успела, выходит! Или успела... там я всегда успевала наказывать. А вот кем я была здесь, еще предстояло разобраться.

Думать о прошлой жизни было некогда. Вокруг поднялся невообразимый шум. Знамо ли дело! Барышня из гроба восстала и пойдй пойми, нежить это хитрая или просто чуть

по случайности не похоронили. Я понимала: и то, и другое нехорошо и грозит пансионату серьезными проблемами.

После батюшки подскочил лекарь, но от осмотра прямо в гробу мне удалось отбрыкаться, к немалому его неудовольствию.

— Помилуйте, Константин Львович! — строго шикнула на него Анна Ильинишна, поджав губы. — Надобно же и место знать. Справим барышню в лазарет, там и осмотрите. Хотя не понимаю, к чему эта надобность? Пришла в себя, жалоб не имеет. А вам все неймется!

— Но как же без осмотра-то? Случай для науки прелюбопытнейший!

— Константин Львович! Прошу вас, прить уймите!

С погоста меня сперва хотели нести прямо в гробу, и, признаться, я не видела в ничего предосудительного. Удобно даже. Однако окружающие придерживались иного мнения. Директриса тотчас велела послать за носилками.

— Да я сама дойду, не извольте беспокоиться... — пискнула я тонким, чужим голосом, с горечью осознавая, что над ним придется изрядно поработать, дабы он обрел должную твердость.

— Лежи уж! — отмахнулась Анна Ильинишна таким тоном, что прекословить не смел никто. Вот у нее с голосом проблем не было никогда. Я послушно рухнула обратно в гроб, а директриса лишь тяжело вздохнула и покачала головой.

Незнакомый господин, на которого засматривались решительно все наши пансионерки, усмехнулся. Мне на миг почудилось, будто глаза его вспыхнули золотом и в них прорезался вертикальный, кошачий зрачок. Я поспешно зажмурилась, тряхнула головой, и наваждение исчезло, словно его и не было.

Дождь тем временем усилился: мелкий, пронизывающий до костей, больше напоминающий осенний, нежели подходящий для весны. Я натянула саван повыше, кутаясь в грубое полотно, и отчаянно пожалела, что поблизости нет ни одного зеркала. Мне было до ужаса интересно, как я теперь выгляжу. Впрочем, судя по рукам и воспоминаниям лет на сорок младше, чем была, а все остальное не столь принципиально. И с некрасивой наружностью, если что, проживу. В прошлой жизни я красавицей не слыла, и ничего — состояние склотила, люди меня уважали. А это куда важнее смазливости личика. Красота вянет, а репутация остается.

Пока все вокруг суетились, кто крестился, кто ахал, кто бегал за носилками, я из-под опущенных ресниц внимательно наблюдала за окружающими людьми, пытаюсь образ каждого воскресить в памяти Софьи.

Несколько девушек явно нервничали. Они держались близко друг к другу и перешептывались. Одинаковые камлотовые платья, как и у других воспитанниц, строгая осанка и аккуратно прибранные волосы. К внешнему виду в пансионате относились очень строго. Анастасия Рудышкина, Елена

Данилова, Лариса Лачинова.

За безупречными манерами скрывалось гнилое нутро. Меня эта троица изводила лет с восьми, как только в пансионате появилась Лариса, которая объединила вокруг себя девочек, создавая свиту, которая подчинялась ей беспрекословно.

Софья с ними справиться не могла. Но это потому, что у нее не было меня.

Моя новая сущность воспоминания подкидывала мне не все сразу, а дозировано, когда они были необходимы в контексте. Вот сейчас я осознала, что подруг в пансионате у Софьи и не было — она слыла барышней нервной, глуповатой и склонной к истерикам. Те, кто не травил ее исподтишка, просто сторонились.

Исключение составляла худенькая, болезненная Лилечка, но она от чахотки умерла еще прошлой зимой. Неплохие отношения складывались с Марией Головлиной, но та тоже была девушкой необщительной, и дружбы с ней не вышло, Софья симпатизировала Полине Околышевой, но та не горела желанием общаться и, вообще, кажется, была на что-то обижена, но сейчас смотрела с интересом, сжимая в руках кружевной платок. Было еще несколько девочек с которыми у Софьи были конфликты.

То есть поспособствовать падению с лестницы мог кто угодно. Вопрос зачем? Кому могла помешать безобидная истеричка? Но помешала же! Тело помнило слишком хорошо:

Софья была не очень умной, забитой, но отнюдь не неуклюжей.

Меня переложили из гроба на носилки. Директрисе помогал доктор и несколько воспитанниц, у которых дрожали руки, что не мешало одной из них украдкой ущипнуть меня за бок.

Я чуть не вскрикнула, но вовремя прикусила губу, и не зря. Лариса выдала себя удивленным взглядом. «Вот ведь крыса мелкая», — злобно подумала я и тотчас же почувствовала угрызения совести и липкий страх, принадлежащие Софье. Та привыкла терпеть и не смела перечить обидчицам. Но этот недостаток, мы с ней на исправим, раз уж так сложилось, что я вынужден продолжить ее жизнь! Что-что, а уж с обидчиками, я разбираться я умею.

Очень странный у нас с Софьей получился симбиоз: я ощущала сразу себя и собой, и ею. Но у меня опыта было поболее и характер пожестче, поэтому сознание Софьи почти угасло, оставляя мне воспоминания и телесные реакции.

Они-то и подвели. Когда меня усадили на носилках в лазарете, мы с моим новым телом решили отъехать в обморок. Пресквернейшие, я вам скажу, ощущения. И неожиданные. В прошлой жизни испытывать мне их не доводилось. Надо с этим что-то делать. Если стану отключаться в любой непонятной ситуации, полжизни пройдет мимо, а меня такое решительно не устраивает. Раз судьба и Господь Бог дали мне второй шанс, надо использовать его по полной, а не в обмо-

роках валяться почем зря.

Пришла в себя я от резкого запаха нашатыря. Открыла глаза и замычала, пытаюсь отмахнуться от доктора и вонючего пузырька, который тот настойчиво совал мне под нос. Вот что за изверг такой?

— Ну, очнулась, слава богу! — сказал он с видимым облегчением и отстранился. Вместе с ним развеялась и вонь. — Я уж думал, снова на погост нести придется.

— Не надо на погост, — пробормотала я, инстинктивно пятясь к изголовью кровати.

— Константин Львович... — раздался у него за спиной глубокий бархатный голос, принадлежащий женщине. — Не пугайте девочку. Она и так страху натерпелась. На-ка, Софьюшка.

Доктора оттеснила высокая, статная женщина в черном строгом платье. Некогда смоляные, тронутые сединой волосы были убраны в высокую аккуратную прическу, а на смуглом лице выделялись неестественные, словно залитые тьмой глаза. «Колдунья-врачевательница», — услужливо подсказало сознание.

— Акулина Павловна! — Доктор поморщился. — Снова вы со своими травками и антинаучностью.

— Этой антинаучностью еще наши деды и прадеды больных на ноги ставили... а от вашей научности пациенты мрут как мухи! — парировала она, не повышая голоса, но с такой уверенностью, что спорить делалось бесполезно.

— Да как вы смее! — надулся доктор, багровея, но Акулина Павловна его проигнорировала, приблизившись к кровати с чашкой, от которой исходил пряный, чуть горьковатый запах трав.

Пожалуй, этому отвару я доверяла больше, чем доктору. Не знаю, была ли это моя интуиция или опыт Софьи.

Когда потянулась за чашкой, наши пальцы с Акулиной Павловной соприкоснулись, и она вздрогнула. Чернота полностью затопила ее глаза, и женщина тихо пробормотала:

— Софьюшка... как же так-то?..

И я отчетливо поняла: она знает. Ну или, по крайней мере, догадывается о том, что перед ней не Софья.

Я испуганно сжалась, не понимая, что меня ждет, но Акулина Павловна отстранилась, чуть тише и тверже сказав самой себе:

— Ну, может, так оно и лучше.

От снадобья меня стало клонить в сон, и я бы, наверное, выронила чашку, но у меня ее из рук забрала колдунья. Мир перед закрывающимися глазами поплыл, и я погрузилась в забытие: нечто среднее между сном и бодрствованием, когда тело отдыхает, а разум где-то блуждает, изредка отмечая изменения в окружающей обстановке.

Голоса доносились словно из-под толстого слоя ваты, но слова я разбирала отчетливо, как и хлопок двери, сообщивший о визите гостей.

— Андрей Григорьевич, ну куда вы? — слышала я то ли

обеспокоенный, то ли раздраженный голос Анны Ильинишны. — Ну спит барышня. Неужели не видите?

— Я забираю Софью из пансионата, — безапелляционно заявил Андрей Григорьевич и я насторожилась.

— Ну о чем вы говорите? Она девочка впечатлительная, истеричная, а тут такой стресс. Дайте хоть в себя прийти. Да и как же я ее отпущу? Несовершеннолетняя, с незнакомым мужчиной! Я несу ответственность за воспитанниц. А тут и документы нужно оформить, а как это сделаешь?

— Я искал ее восемнадцать лет, — голос у Андрея Григорьевича был глухой и твердый. — Вот нашел и должен отвезти к ее семье! В пансионате, по всей видимости, находиться ей небезопасно.

— Но, помилуйте, у меня кроме вашего слова доказательств никаких нет. Вы же не родственник, мы даже ритуал крови провести не можем, чтобы на основе его доказать родство и, следовательно правдивость ваших слов!

— Я предоставил вам соответствующие документы!

— Да что мне те документы? Девиц в пансионате много! А пансионатов по России матушке? А ну как не она это? Ошибемся мы с вами, а расхлебывать мне в одиночку все придется. Вот привезите кого-нибудь из родственников и все будет чин по чину. Именно об этом мы с вами договаривались на прошлой встрече. Разве не так? Ну или ждите до конца месяца. Двадцать седьмого мая у Софьи день рождения, ей исполнится восемнадцать, и везите куда хотите. Но тут уж ее

согласие нужно.

— Ей уже восемнадцать тринадцатого марта стукнуло, — упрямо заметил тот, кого называли Андреем Григорьевичем.

— Так все с ваших слов! — отрезала начальница. — Откуда ж я знаю? Нашли Софью у дверей приюта двадцать седьмого мая. Так и записали. Раньше не отпущу, только через официальную процедуру. Но сами понимаете: даже если вы дядюшку ее привезете, пока суть да дело, время-то и выйдет. Андрей Григорьевич, вы же разумный человек. Мы при прошлой встрече с вами обо всем договорились. Ну что поменялось?

— То, что Софья погибла, — глухо ответил он. — И больше я рисковать не могу.

— Ну так воскресла же! — Логика Анны Ильинишны была непробиваемой.

— А если второй раз случится? — стоял на своем Андрей Григорьевич.

— На все, конечно, воля Господа, но помилуйте, с чего бы молодой здоровой барышне второй раз умирать? По лестницам поаккуратнее ходить будет, и все.

Я слушала этот странный разговор с закрытыми глазами, и чувствовала, как внутри меня медленно закипает любопытство. Кто такой Андрей Григорьевич? Какая еще семья? И почему он искал Софью восемнадцать лет? Вопросов становилось все больше, а ответов пока не было никаких.

— Глаз с нее не спускайте! — Андрей Григорьевич на-

конец, к моему глубочайшему разочарованию, сдался. Идея уехать отсюда с посторонним человеком, который Софью не знал до ее гибели, нравилась мне куда больше, чем оставаться в пансионате на целый месяц. Боюсь, актриса из меня выйдет неважнецкая — слишком я привыкла говорить прямо, а тут притворяйся, да еще и с истеричностью и кротостью, с которыми непременно возникнут проблемы.

— Не извольте беспокоиться, Андрей Григорьевич! — Голос Анны Ильинишны звучал непривычно мягко и услужливо.

— Если с Софьей что-нибудь случится, я от вашего заведения камня на камне не оставлю! Понятно? Вы возможности мои знаете.

— Наслышаны, — с удивительной для нее кротостью отозвалась начальница пансионата.

Незванные гости вышли из лазарета. Шаги их затихли в коридоре, и наступила тишина. Я осталась лежать в одиночестве и думать о вечном.

Мне совершенно не нравилась ситуация, в которой я оказалась. Интуиция, которая подвела меня только раз в жизни (и то не подвела, а я сама ее проигнорировала и на обследование не легла) теперь вопила об опасности.

Я не верила, что появление в пансионате незнакомца, который искал Софью, и трагическая случайность, приведшая к ее гибели, никак не связаны. А посему надобно быть осторожнее.

Я выползла из-под одеяла. Лежала я в том же виде, в каком меня достали из гроба: волосы расплетены, подвенечное платье изрядно помялось, туфли, правда, сняли и убрали куда-то. Босиком было холодновато, но не критично.

Я накрыла подушку одеялом, подсобрала его так, чтобы издалека было похоже на человеческое тело, и на цыпочках выскользнула за дверь, прихватив с тумбочки тлеющую свечу. Половицы скрипнули под ногами, но, к счастью, не слишком громко.

Сбежать я, конечно, не планировала. Это было бы глупо: мира я не знаю, ни денег, ни умений, ни навыков обхождения с людьми у меня нет. А в пансионате пока относительно спокойно — есть еда и кров. Да и пытаются меня убить или так, случайность вышла, еще предстоит узнать.

Глава 2

Коридор был темным и пустым. Я осторожно ступала по дощатому полу, стараясь, чтобы старые половицы не скрипели под ногами.

Тусклый, подрагивающий огонек свечи освещал лишь маленький островок передо мной; стены коридора тонули в липкой темноте, но я знала, что они оклеены модными ныне бумажными обоями с бледно-голубыми цветами. Их доставили два года назад, когда случилось великое событие. Тогда Анна Ильинишна привозила в пансионат ее сиятельство княгиню Белозерскую, которая прониклась талантами и кропотью воспитанниц и пожаловала нам средства на ремонт. И он даже был сделан, причем в рекордные сроки, ибо ее сиятельство пожелала лично присутствовать на приемке здания. Как тогда радовались девочки! Как гордились обновленными стенами и свежей краской!

Я шла по знакомым, погруженным в тишину коридорам и вспоминала все больше.

После отбоя воспитанницам строжайше запрещалось покидать комнаты, и я знала: если меня поймают, наказание будет суровым. Только вот моему альтер эго из двадцать первого века на наказания было, мягко говоря, наплевать, но Софья боялась. Это ощущалось очень странно: внутренне я оставалась спокойна, однако руки, сжимающие подсвечник,

дрожали, а сердце колотилось где-то в горле, словно пойманная птица. Надеюсь, тело справится с паникой и не рухнет в обморок прямо посреди коридора. Падать на дощатый пол и валяться на проходе, пока кто-то не запнется — перспектива не из приятных.

Где-то вдали хлопнула дверь, и мы с телом друженько подпрыгнули. Тело еще хотело заорать, но я взяла себя в руки и не позволила. Дунула на свечку, погасив огонек, и вжалась в стену, стараясь слиться с обоями. Память услужливо подсказала, что неподалеку находится кабинет Анны Ильиничны; вот ей-то после отбоя попадаться совсем не хотелось. Я затаила дыхание, прислушиваясь к шагам, но ничего не слышала.

Выждав несколько томительно долгих минут (каждая из них казалась вечностью), я сделала несколько осторожных шажков и влетела прямиком в мужскую фигуру, неожиданно показавшуюся из-за поворота. Я успела заметить лишь темный силуэт и холодный блеск запонок, почувствовать запах дорогого табака.

Тут мы с Софьей оказались одного мнения: вскрикнули, и мир перед глазами погас. Я только успела подумать: «Как же это некстати!» — и провалилась в липкую, беспросветную тьму, чувствуя, как чьи-то сильные руки подхватывают меня, не позволив упасть.

В себя я пришла достаточно быстро, и едва не лишилась чувств вновь, стоило открыть глаза. Но на этот раз тело, к мо-

ему удивлению, не понял моего страха: сердце не зашлось, дыхание не перехватило. Из этого я сделала неожиданный, но довольно утешительный вывод: в этом мире, куда я угодила, светящиеся янтарные глаза у симпатичных джентльменов — вещь если не обыденная, то, по крайней мере, не вызывающая паники у излишне впечатлительной пансионерки.

Я лежала на полу. Было неудобно, жестко. Надо мной, обеспокоенно нахмурившись, склонился Андрей Григорьевич. В коридоре хоть и было темно, но мужчину я смогла разглядеть хорошо и описать его можно было одним словом породистый. Софья, как ни странно, не смущалась. Я чувствовала волнение, но это был скорее страх, нежели душевный трепет. Непонятно, впрочем, может быть, для юной барышни мужчина казался слишком взрослым? А мне вот он казался очень даже привлекательным.

— Софья Михайловна, с вами все хорошо? Как вы тут очутились? — спросил он тихо, но настойчиво.

— Я... — начала я оправдываться, ведомая инстинктами Софьи, но вовремя себя сдержала. Вместо этого произнесла, стараясь, чтобы голос звучал уверенно: — Вы напугали меня. Помогите подняться.

Юный, слегка дрожащий голос, который так и норовил сорваться, определенно смягчил безапелляционный начальственный тон. Андрей Григорьевич послушно подал мне руку и, поднимаясь, я с превеликой радостью заметила, что ни спину не прострелило, ни колени не скрипнули. «Боже, спа-

сибо тебе за этот бонус, — мысленно возблагодарила я. — Это тело я буду беречь и зарядку по утрам начну делать, как и в прошлой жизни. Иначе какой смысл в новом шансе, если не пользоваться им по-человечески?»

— Вы заблудились, Софья? — спросил он, чуть склонив голову набок, и в его голосе послышалась легкая, едва уловимая усмешка.

Я давно заметила в своей предыдущей жизни, что если не отвечать людям прямо, они в большинстве случаев сами придумывают удобный для себя ответ, и остается только подтвердить его, согласно кивнув. Так я и сделала: молча опустила глаза к полу.

Сознание Софьи — та его часть, что еще теплилась где-то глубоко внутри, отчаянно вопило о недопустимости оставаться с мужчиной наедине в темном коридоре, это опасно, в конце концов. Но флегматичная, обогащенная разнообразным опытом часть моей души не давала мне испуганно бежать. Мне было интересно, кто же такой этот Андрей Григорьевич, и глаза его янтарные меня тоже отчаянно интересовали. Память Софьи, впрочем, услужливо подкидывала какую-то совершеннейшую ересь: внутренний голос где-то в глубине души отчаянно вопил: «Колдун это черный! Как есть колдун! Всамделишный! Бежать от него надо, пока не заморочил напрочь!»

Но черный колдун на государственной службе был один, и я решительно не понимала, чего ему от меня может быть

нужно. Да и имя и отчество я не знала достоверно, но лишь один колдовской род всегда верой и правдой служил государю императору испокон веков. Не может же быть он?

— Софья, с вами все хорошо? — подозрительно поинтересовался мужчина, и я с запозданием поняла, что стою, уставившись в одну точку, и пребываю в глубокой задумчивости, что выглядит весьма странно.

С другой стороны, это вполне в духе истеричной барышни, недавно воскресшей и склонной к обморокам. Андрей Григорьевич, наверное, считает меня малахольной дурочкой. Что ж, это и не худший вариант, пусть так думает и дальше, проще списать и другие странности в поведении.

— Повело что-то, — ответила я, скромно улыбнувшись, но мужчина взглянул на меня так подозрительно, что я сразу сделала вывод: кроткие улыбки — это не мое. Наверное, не стоит и пытаться.

Андрей Григорьевич тем временем наклонился, поднял с пола валяющийся подсвечник со свечой и зажег фитилек, просто коснувшись его кончиками пальцев. Никаких спичек, но живой огонек вспыхнул тот же миг. Это действие, совершенное с обыденной неспешностью, едва не отправило меня в глубочайший обморок снова, но я взяла себя в руки. Мужчина вел себя так, словно ничего не произошло, и я благоразумно решила не акцентировать внимание на этой детали. Тем более, воспоминания Софьи услужливо подтвердили: да, магия в этом мире есть. А уж у черных колдунов осо-

бенно. Какой же колдун без магии?

— Пойдемте в лазарет, — сказал он, и в голосе его промелькнула легкая укоризна. — Как вы из-под присмотра Акулины Павловны сбежали?

— Не припомню что-то... — ответила я, стараясь придать голосу максимум слабости и беспомощности. И, как ни странно, такая откровенная ложь не вызвала у него ничего, кроме сочувствующего взгляда. Правда, полагаю, сочувствовал Андрей Григорьевич не столько моему состоянию, сколько моему скудоумию.

— Софья Михайловна, — начал он, и голос его стал серьезнее, — полагаю, Анна Ильинишна рассказывала вам о том, что я друг вашего отца. И искал вас почти восемнадцать лет...

Мужчина сделал паузу, видимо, ожидая моей реакции. Я же скромно потупилась, разглядывая босые, уже изрядно замерзшие пальцы. Надо было все же в лазарете поискать свою обувь.

Не дождавшись вменяемого ответа, Андрей Григорьевич слегка вздохнул и продолжил:

— Я хотел забрать вас, но, не являясь кровным родственником, не могу этого сделать. Однако во Владимирской губернии живет ваш дядюшка с семьей, и наследство у вас есть, хоть и небогатое, но с таким приданым можно найти достойную партию. Поэтому, как только вам исполнится восемнадцать, я заберу вас и отвезу к родственникам.

— Хорошо, — послушно заметила я, и снова поймала на себе его подозрительный взгляд. Анна Ильинишна, вопреки его словам, не говорила с Софьей ни о каком дядюшке, но я пока не была уверена, что хочу доносить эту информацию до Андрея Григорьевича. Лучше придержать ее при себе. Не сказать бы, чтобы я этому персонажу верила. Я просто была подозрительна, а Софья, как и любая благовоспитанная барышня, настороженно относилась к колдунам, пусть и при государственном чине.

— Признаться, ваша неожиданная кончина сильно расстроила и обеспокоила меня, — сказал он мягче, даже практически поверила. — Я за вас волнуюсь. Вдруг в этом месте вас подстерегает опасность?

— Не переживайте, бывает, — отозвалась я с легкой иронией, которую он, кажется, не заметил. — Вероятно, я оступилась и ударилась головой, а наш лекарь с Акулиной Павловной по ошибке записали меня в мертвые. Впредь буду осторожнее. Лестницы в пансионате коварные.

— Хорошо, — кивнул он, — но если вдруг вы заподозрите неладное, испугаетесь или вам потребуется моя помощь, не стесняйтесь, пишите мне. Я прибуду максимально быстро.

С этими словами Андрей Григорьевич достал из внутреннего кармана сюртука изящный плоский футляр, отделанный фаянсом, вероятнее всего, фабрики Гардена, извлек карточку, на которой каллиграфическим почерком было четко с изящными завитками выведено имя. Я мельком

глянула на фамилию и поняла, что не ошиблась, мной и правда заинтересовался тот самый колдун.

Возле двери в лазарет Андрей Григорьевич откланялся, а я убедилась, что он скрылся из виду, торопливо спрятала карточку за корсаж и отправилась обратно по коридору. Спать все равно не хотелось, а лежать и смотреть в потолок было тоскливо.

Я дошла до поворота и в этот раз двинулась в другую сторону. Туда, куда вело любопытство. Интуиция привела меня к той самой лестнице, где чуть не закончилась моя жизнь. А может, и закончилась, но появление новой души заставило тело снова работать. Не знаю, что я рассчитывала тут увидеть: просто хотелось взглянуть на место, где все случилось, может, почувствовать что-то. Но лестница выглядела обычно и эмоций никаких не вызывала ни у меня, ни у Софьи.

Боковая лестница вела на второй этаж, а оттуда на чердак, куда воспитанницам ходить было строжайше запрещено. Однако Софья, несмотря на свой пугливый характер, иногда нарушала это правило и пряталась под крышей от своих соседей по комнате, когда те начинали изводить ее особенно сильно. Я уже почти решила повернуть назад, не обнаружив в темноте ничего примечательного, как вдруг до моего слуха донесся тихий детский плач.

Я застыла на первой ступени, вслушиваясь в тишину. Плач был жалобным, зовущим, будто маленький ребенок потерялся в темноте и просил о помощи. Едва мне показалось,

что звук померещился, он раздался снова, теперь громче и отчетливее.

Я не смогла его игнорировать и двинулась на источник. Огонек свечи в темноте подрагивал, отбрасывая на стены пляшущие тени. Дважды я испуганно шарахалась в сторону, когда в очертаниях на стене мне мерещился образ какого-то неправильного ребенка с непропорционально большой головой и тощими, как палочки, ручками и ножками. А один раз я чуть не упала, когда плач стал особенно громким и пронзительным.

Может, я и в прошлый раз так же свалилась? Но тогда был день, и я точно не слышала никаких звуков. Ночью на зловещий плач ребенка прежняя Софья ни за что бы не пошла. Она и сейчас дрожала где-то внутри, как осиновый листочек, и отчаянно надеялась исчезнуть. Ей соседство со мной явно не нравилось. Она смирилась с тем, что умерла, и считала все происходящее правильным. А вот я, видимо, смириться не смогла, поэтому и заняла это тело. Непонятно только, почему свободного и молодого не нашлось там, где я родилась и жила. В этом контексте пословица «Где родился, там и пригодился» была как нельзя актуальна. Впрочем, грешно жаловаться.

Следуя за плачем, я поднялась по лестнице до самого чердака и толкнула старую деревянную дверь. Та со скрипом несмазанных петель отворилась, и я шагнула в помещение, заваленное хламом — сломанными стульями, пыльными

ми сундуками и разбитыми рамами. Воздух здесь был спертый, густо пахло старыми пыльными вещами и сухим деревом. Лунный свет лился в единственное окно, и на освещенный бледным сиянием подоконник вдруг запрыгнул кот.

Он был огромен. Черный, лохматый, очень похож на мейн-куна. Те же характерные кисточки на ушах, широкая морда с выдающимися скулами и роскошный, пушистый хвост, которым он размеренно бил по подоконнику. Кот устроился поудобнее и уставился на меня немигающим взглядом. Его круглые, словно две монеты глаза, светились тусклым зеленым светом, точно болотные огни, мерцающие в ночной трясине.

Сначала меня сковал страх: что-то в этом звере было неестественное, слишком осмысленное и настороженное. Но любопытство взяло верх. Я сделала несколько осторожных шагов по направлению к коту. Он тотчас припал на передние лапы, выгнул спину дугой, а шерсть на загривке встала дыбом. Едва я протянула руку, как кот зашипел с такой яростью, что мне на миг показалось: сейчас он сиганет мне на грудь и вопьется в горло когтями. В его глазах полыхнула настоящая злоба, но в последнее мгновение что-то его остановило. Кот замер, с явным подозрением обнюхал мои пальцы, затем, кажется, удивленно повел ухом и, неожиданно сменил гнев на милость, муркнул и потерся о мою ладонь косматой головой.

Меня поразила такая внезапная перемена, но я все же

рискнула погладить кота. Тот уже не проявлял ни малейшей агрессии, наоборот, довольно заурчал, прикрыл глаза и начал тереться щекой о мои пальцы, словно мы были давними знакомыми.

А вот плач, который привел меня сюда, больше не раздавался. Я прислушалась: тишина стояла густая, лишь ветер гудел в щелях чердачных окон. Мог ли кот издавать такие странные звуки? Еще совсем недавно я бы однозначно сказала «нет», но сегодня, после всего, что случилось, я ни в чем не была уверена. Кот еще раз потерся о мою руку, затем легко спрыгнул с подоконника и просто исчез в стене, словно прошел сквозь нее, оставив после себя лишь зеленоватое болотное свечение, которое медленно таяло в ночи.

«Что за чертовщина тут творится?» — подумала я, потрясенно оглядывалась по сторонам, но ответа на этот вопрос у меня не было, как и кота, который теперь казался плодом моего больного воображения. Ответа не было, кстати, и у Софьи. Она, вообще, подозрительно притихла, создавалось впечатление, что я осталась совсем одна без подсказок и новых сведений.

И если, изначально очнувшись в новом теле я, признаться, подумала, что попала в прошлое, то сейчас я не сомневалась — меня занесло в другой мир, в котором живут не только люди, есть магия, и в правилах этого мира мне еще предстоит разобраться. Как и в причине, по которой я после смерти оказалась здесь.

Я осторожно спустилась по чердачной лестнице, прошла на первый этаж и направилась в сторону лазарета. Пожалуй, впечатлений для первого дня новой жизни у меня предостаточно. Я уже почти подошла к повороту, когда в ночной тишине грохнул выстрел. Я испуганно замерла на месте, прикрыв рот рукой, чтобы не закричать, а потом рванула вперед, но не успела. Лишь вдалеке успела заметить скрывающийся в коридоре силуэт. Не поняла даже, кому он принадлежит мужчине или женщине. Дверь в лазарет была приоткрыта, оттуда раздался истошный женский визг, и я бросилась на эти звуки, чтобы понять, что же такое произошло! Сердце колотилось в груди, и мне было страшно, но не настолько, чтобы остановиться.

Глава 3

Я вбежала в комнату и замерла на пороге. Акулина стояла посредине, прижав руки к груди, и с ужасом таращилась на мою постель, словно та могла в любую минуту восстать и наброситься на нее. Осколки чашки со снадобьем, которое колдунья, видимо, несла мне, валялась на полу. По доскам растеклась темная лужица.

Увидев меня, женщина вскрикнула и торопливо перекрестилась, шевеля губами, словно читала молитву. Я окинула ее подозрительным взглядом: мне всегда казалось, что магия и религия не уживаются, но в этом мире, похоже, все причудливо переплеталось.

— Жива! — всхлипнула Акулина. — Снова!

— Жива, — подтвердила я, решительно подошла к кровати и отдернула одеяло. В свете свечи стали видны неровные отверстия на одеяле и на подушке. Следы от пули с опаленными краями и едва заметным бурым налетом. Кто-то стрелял в Софью. Понять бы из чего. Память покойной пансионерки ничем не могла мне помочь; ее познания об огнестрельном оружии были до обидного скудны и ограничивались смутным пониманием, что такое оружие вообще существует и из него, о, ужас, можно убить.

— Ужас-то какой, Софьюшка, — выдохнула Акулина, и голос ее дрогнул. — Где же ты была? Я уж думала все... на

этот раз с концами. Даже не разглядела, что и крови-то нет!

— Хорошо, что была не здесь, — мрачно отозвалась я, чувствуя, как по спине пробегает холодок: если бы не моя ночная прогулка, вторая жизнь могла бы оказаться до обидного короткой. А я уже со своим вторым шансом сроднилась. Нет уж! Отступать я не намерена. Воскресла из мертвых, так воскресла! Убить себя никому не позволю!

Акулина тем временем окончательно взяла себя в руки. Подняла с пола осколки, промокнула лужицу тряпкой, и теперь, готовилась задавать вопросы, на которые я совсем не желала отвечать.

— И все же, куда ты ночью отлучалась? Тебе лежать надобно.

Вообще, не надобно, потому что лежала бы, схлопотала бы пулю, но спрашивала Акулина не об этом, и вопрос проигнорировать было сложно.

— Я ходила... — сознание на миг забуксовало, и я не сразу нашла подходящую формулировку. — По естественной надобности.

— Но... — Акулина недоуменно перевела взгляд на меня и указала под кровать. — Так вон же ночная ваза...

Я с удивлением уставилась на фаянсовое чудо, расписанное цветочками. В мое время подобное предлагали разве что малышам, но отступать некуда. Надо было придерживаться легенды.

— Мне в мою сподручнее, — нашлась я, чувствуя себя

наиглупейшим образом. — Вот до нее и ходила.

Акулина промолчала, но взглянула странно. Впрочем, Софью и до моего появления в этом теле считали странноватой, так что хуже не будет. А от дальнейших расспросов меня спасла возникшая суматоха. На крики Акулины и звуки выстрелов сбежались люди. Первой в дверях показалась сама Анна Ильинишна: немного растрепанная, но уже прилично одетая, в застегнутом на все пуговицы, пусть и слегка мятом, коричневом платье. За ней следовал сторож Никифор Кузьмич с ружьем наперевес, несколько классных дам в ночных чепцах и наш учитель французского, долговязый и пугливый, который сейчас прятался за спиной директрисы, словно нашкодивший гимназист. Зачем, спрашивается, явился? Уж делал бы вид, что спит. Все равно толку от него никакого. Того гляди, в обморок рухнет, это их с Софьей роднило. Впрочем, сейчас, в критической ситуации, мое тело держалось и никаких фортелей не выкидывало.

— Что здесь произошло? — сурово спросила Анна Ильинишна, окидывая комнату цепким взглядом. Я наблюдала за ней, поэтому увидела, как директриса побледнела, заметив испорченные одеяло и подушку. Видимо, спокойствие, ей давалось непросто, как бы ни пыталась директриса держать лицо.

Акулина Павловна ответила за меня.

— Кто-то стрелял в Софьюшку. Хорошо хоть, ее самой не было. Вот постельные принадлежности испортили. Я только

на звук выстрела прибежала из соседней комнаты. Не сразу и поняла, что это! Но когда забежала, еще в воздухе запах стоял такой... — Она замялась, подбирая слова, но все и так поняли.

— Этого еще нам не хватало! — Анна Ильинишна всплеснула руками, затем посмотрела на меня с таким укором, будто в случившемся была повинна именно я. Впрочем, кто знает? В конце концов, Софью не просто так пытаются убить, мало ли чего эта блаженная начудила и не помнит. — Получается, у нас тут кто-то с оружием бегаёт среди ночи? Кошмар-то какой!

— Я видела в коридоре тень! — выпалила я, стараясь придать голосу убедительности.

— А что ты, позволь спросить, делала в коридоре? — сурово осведомилась директриса, и руки мои, сжимавшие подсвечник, дрогнули; огонек свечи заметался, отбрасывая на стены пляшущие тени. Софья, что б ее, снова отреагировала рефлексам. И Анну Ильинишну девушка в прошлом боялась.

— А что мне лучше было лежать и ждать, когда пристрелят? — огрызнулась я и тут же поймала несколько потрясенных взглядов. Классная дама попятилась, учитель французского и вовсе прикрыл рот ладонью. Я мысленно прикусила язык. Так! Держать себя в руках, не забывать, что я здесь скромная девица восемнадцати лет от роду.

— Ты что-то больно разговорчива стала, Софья! — при-

щурилась Анна Ильинишна. — Видать, давно не наказывали.

— Вам некогда было, — парировала я, чувствуя, как внутри закипает злость, — вы к похоронам готовились, а я в гробу лежала...

Да что ж меня прорывает? Впрочем, Анна Ильинишна уже не обращала на меня внимания. Она задумчиво разглядывала простреленную постель, словно пытаясь понять, что тут произошло и что с этим всем делать.

— Так! Ночь на дворе, — наконец, произнесла она. — Никифор, останешься у дверей до утра, покарауль. Мало ли что? А вы все, спать! Немедленно по комнатам! Софья, лучше вернись в свою постель в комнату к девочкам, мало ли преступник вернется. Судя по разговорчивости и тому, что ты туда-сюда после отбоя мотаешься, в лазарете тебе надобности оставаться нет. Вот и возвращайся к обычной жизни.

— А что ж, не будем городских вызывать? — удивилась Акулина, поднимая с пола последний осколок чашки, который отлетел дальше остальных. К тумбочке, на которой стоял графин с водой.

— А что их вызывать? — отрезала директриса. — И так в пансионате скандал на скандале. Еще городских х нам не хватает! Ничего не было. Всем ясно?

— Как это не было? — вырвалось у меня. — Меня убить пытались! Надо Андрею Григорьевичу сообщить!

— Нет, Андрею Григорьевичу не стоит об этом знать! —

холодно заметила Анна Ильинишна. — Дел и забот у него будто никаких больше нет! И тебе, барышня, нечего о посторонних мужчинах разговаривать! Спать отправляйся, а то не посмотрю на то, что ты болезная! Распоясалась совсем!

— Ну а с убийцем-то что делать? — не унималась Акулина.

— А что с ним делать? Нет убийца! — отрезала директриса. — Подушку с одеялом замени, и вся недолга. А ты, Софья, смотри у меня, допрыгаешься!

— Я-то тут при чем? — вспыхнула я, чувствуя, как горячая волна поднимается к лицу. — Это меня убить пытаются!

— Да кому ты нужна! — отмахнулась Анна Ильинишна. — Хвостом, что ли, перед кем крутила? Сама подумай: безродная воспитанница, ни красоты особой, ни приданого. Зачем тебя кому-то убивать? Разве что хахаль какой из ревности! Только неприятности по твоей милости на мою голову свалились!

— Да какой хахаль? — возмутилась я, но директриса только махнула рукой, велев всем расходиться, и я осталась стоять посреди комнаты, сжимая в руках подсвечник с уже догоревшей свечей. Помогать мне тут, похоже, никто не планирует.

В комнату меня провожала задумчивая и настороженная Акулина. Я бы и сама добралась без провожатого, но Анна Ильинишна строго-настрого велела не отпускать меня одну — стало быть, вопреки своей суровой наружности, она все

же обо мне по-своему заботилась. Однако зачем было отказываться от вызова городских? Или она знала о покушении больше, чем показывала, либо и впрямь печется лишь о репутации заведения, не желая выносить сор из избы? Но если меня здесь прикончат, скандал выйдет куда более громкий, нежели от присутствия полиции. Неужели она этого не понимает?

Ответов на эти вопросы у меня не было. Как, впрочем, и имен подозреваемых. Теоретически выстрел мог произвести кто угодно. Все знали, что я чудесным образом воскресла и ночью в лазарете.

Комната Софьи находилась на втором этаже, и делила я ее с тремя другими воспитанницами, к которым не испытывала ни малейшей симпатии. Едва переступив порог, я ощутила смутное беспокойство, замешанное на липком страхе. Да уж, жилось моей предшественнице несладко.

Я даже вошла так, как привыкла делать это Софья: мышью прошмыгнула мимо спящих соседок к своей заправленной кровати у дальней стены. Отыскала ее почти на ощупь. В комнате царил полумрак, лишь в маленькое окно пробивался бледный лунный свет. Я скользнула под одеяло и замерла, стараясь дышать как можно тише, словно боялась разбудить моих сладко посапывающих соседок.

А потом ко мне пришел кот.

Я ничуть не удивилась, когда он возник из воздуха. Огромный, черный, лохматый зверь с изумрудными глазами,

довольно урча, уселся мне на грудь, уютно пристроив тяжелую голову на ключицах. Поначалу я испугалась, что эта машина меня раздавит, однако зверь каким-то непостижимым образом распределил свой вес, и мне сделалось на удивление спокойно. Я даже прикрыла глаза, ощущая, как его мурлыканье проникает в каждую клетку, прогоняя тревогу.

Единственное, я переживала, что кот кто-то увидит и даже на миг открыла глаза и опасливо оглянулась по сторонам, но в моей голове отчетливо прозвучал голос: «Они не заметят, они не наши...» Голос был не мой, не Софьи, но почему-то казался знакомым. Я не знала, что означают эти слова, но точно понимала: кот каким-то образом отделил меня от прочих людей. Да и сам он был далеко не обычным. Обычные коты не проходят сквозь стены, их шерсть не отливает зеленоватым светом, глаза не горят, как болотные светлячки, и уж точно, обычные коты не разговаривают.

Пока я погружалась в сон, из головы не уходили мысли о произошедшем. Если падение с лестницы все еще было окутано мраком, и я почти не помнила его подробностей, то сегодняшнее покушение свершилось у меня на глазах. И устроить его мог кто угодно: Андрей Григорьевич, который провожал меня до дверей и знал, где я должна находиться; Акулина, оказавшаяся в лазарете в момент выстрела. Она сказала, что вошла через смежную дверь, но могла выстрелить, а затем разыграть изумление, когда план провалился; наконец, сама Анна Ильинишна — не просто так она отказалась вы-

зывать полицию Только я не могла понять, ради чего им это нужно, а без мотива все предположения казались пустыми.

Один вариант я отсекала сразу: другие воспитанницы. Толкнуть с лестницы — да, такое по силам любой из них, но стрелять? Вряд ли у какой пансионерки под подушкой хранился заряженный пистолет.

Впрочем, обдумать все предположения я не успела. Убаюканная мерным мурлыканьем кота, я провалилась в глубокий сон. Сквозь дремоту мелькнула мысль: раз уж он стал являться ко мне, надо бы дать ему имя. Что-нибудь подходящее для такого странного создания, но там меня окончательно сморил сон.

К ночи я либо устала до того, что перестала различать себя и Софью, либо окончательно вытеснила ее присутствие, но воспоминания стали приходить легче. Так, словно они всегда были моими, а ее страхи, сомнения и житейские правила ушли куда-то вглубь, затаились. Впрочем, одно осталось неизменным: кот ей решительно не нравился. Я чувствовала, как внутри поднимается волна брезгливого страха при мысли о нем, но мне это ничуть не мешало. В голове всплыло слово «нечисть», но какая именно, Софья не знала; она боялась любой. Потому и Андрей Григорьевич внушал ей страх, и колдунья Акулина опасливое уважение.

С утра меня разбудил резкий, пронзительный звон. Клянусь, старый советский будильник, который стоял у моей матери, не звучал столь омерзительно. Пришлось открывать

глаза и выбираться из-под теплого одеяла. Кота рядом не оказалось: видно, ушел по своим ночным делам.

— Встаем, девочки!

В комнату заглянула дежурная дама-надзирательница, высокая сухая, в строгом черном платье, и окинула нас цепким взглядом, чтобы никто не смел оставаться в постели.

Я опустила ноги на ледяной пол и поежилась: чувствовала себя разбитой и несчастной, словно всю ночь не спала, а лишь ворочалась с боку на бок. Вдобавок в комнате было ужасно холодно. За ночь помещение выстыло, по утрам на улице еще случались заморозки, поэтому и в комнатах еще как следует не прогрелось. Летом будет теплее, но меня уже здесь не будет.

— Фу, Кофушка вернулась! — недовольно сморщила хо-рошенький носик Лариса Лачинова и смерила меня презрительным взглядом, точно я была не живым человеком, а мерзким насекомым, случайно заползшим под ее одеяло.

Кофушками называли девочек из первого класса, из-за кофейного цвета платьев. Младшим воспитанницам часто давали мелкие поручения и относились к ним снисходительно, как существам низшим по рангу. Просто потом кофушки вырастали и переходили в более уважаемое среднее звено, а потом и в выпускное «белое». Мое же прозвище подчеркивало — я так и осталась там. В самом низу.

— Нам теперь с воскресшей мертвячкой жить, что ли? — подхватила Анастасия Рудышкина, и обе хихикнули, обме-

нявшись понимающими взглядами. Ясно: просто не будет. Однако с утра я была не особенно разговорчива и предпочла проигнорировать их колкости, делая вид, что не слышу. Софья обычно так и делала, и с утра соседки, занятые больше сборами и заплетанием друг другу кос, как правило, одними колкостями и ограничивались.

После умывания ледяной водой, которая, безусловно, взбодрила, но, увы, не согрела, мы отправились на молитву. В актовом зале в это время было прохладно и светло, солнечные лучи падали сквозь витражные окна и образовывали на половицах причудливый рисунок. Мы выстроились по классам, и наша классная дама Екатерина Савельевна удовлетворенно кивнула, отметив опрятный вид девочек, а я постаралась затеряться среди более высоких одноклассниц. Воротник моего темно-зеленого платья был неидеально отутюжен, да и прическа была спорной, так как ни я, ни, по всей вероятности, Софья заплетаться не умела, а от соседок помощи ждать не приходилось. Но классная дама прошла мимо, не задержавшись на мне даже взглядом. Быть незаметной — это очень удобно.

Незаметная. Именно это описание больше всего подходило внешности Софьи. Я смогла, наконец, рассмотреть свою новую внешность в зеркало. Пожалуй, страшной я не была, скорее невзрачной. Серые глаза, пепельные волосы, бледная кожа. Губы бы попухлее, брови потемнее и вышла бы красавица, а так, просто худощавая среднего роста тень. Но для

меня это не имело ровным счетом никакого значения. Не кося, не кривая, руки-ноги на месте, веса лишнего нет — есть шанс прожить долгую и здоровую жизнь, если с лестницы не столкнут и не пристрелят.

Я стояла в ряду прочих воспитанниц, машинально читая молитву, которую Софья помнила наизусть, но душой находилась не здесь. Мне было трудно проникнуться благоговением, ведь в прошлой жизни я не отличалась особой религиозностью, а в этой еще и смертельно хотелось спать. Веки тяжелели, и я то и дело ловила себя на том, что смотрю в одну точку, забывая шевелить губами.

Зато после службы нас ждал завтрак, и вот в его сторону я смотрела с куда большим энтузиазмом. Кормили в пансионате не сказать, чтобы хорошо. С утра, как правило, была клейкая каша с небольшим кусочком масла, хлеб и чай. Но, если учесть, что в новом теле я еще не ела, то и такой ассортимент вызывал у меня голодное урчание в животе.

Молитва закончилась, и мы выстроились парами для похода в столовую, рядом со мной встала круглолицая голубоглазая Полина Околышева. Но меня она старалась не смотреть, потому что прямо перед смертью Софьи мы с ней серьезно поругались, только вот из-за чего, вспомнить я не могла.

Интересно, Софья вообще хоть с кем-то в пансионате не испортила отношения? Вопрос был риторическим. Та часть личности, которая досталась мне от прежней владелицы, ис-

крenne считала себя невиновной, и во всех конфликтах винила окружение. А вот я в этом сильно сомневалась, если человек не может найти общий язык ни с кем, то вряд ли дело во всем окружении.

Глава 4

Столовая — просторное, светлое помещение с высокими окнами, выходящими в палисадник, и рядами длинных, накрытых белыми скатертями столов, находилась на первом этаже пансионата. В утренние часы сюда проникали косые солнечные лучи, золотя мелкие витающие в воздухе пылинки, и придавали всему залу уютный, почти домашний вид. Я уверенно прошла к своему месту — пятому от окна, напротив меня обычно сидела Полина, через два стула — Лариса, а рядом с ней, по правую и левую руку, ее неизменные подруги Анастасия и Елена.

Но едва я собралась отодвинуть стул и присесть, как Лариса, томно поведя плечом, повернулась ко мне и, состроив брезгливую мину, процедила сквозь зубы, стараясь, чтобы голос ее звучал сладко, но ядовито:

— Фу, мертвячкам тут не место. От тебя пахнет кладбищем. Ты больше тут не сидишь.

Сказано это было тихо, вполголоса, так чтобы слышали лишь ближайшие соседки, но не строгая дама-надзирательница, которая прохаживалась между столами, зорко следя за порядком. Лариса выжидающе уставилась на меня, приподняв бровь. Девушка явно привыкла, что Софья в ответ лишь опускала глаза, краснела, а то и начинала хлюпать носом, готовая вот-вот разрыдаться. Но я решительно отодвинула стул

и села, давая понять, что не намерена подчиняться.

— Кофушка, ты не слышала, что тебе сказали? — с нажимом поддакнула Елена Данилова, взглянув на меня высокомерно, но не так, как умела ее подруга. Елена была попроще, и гонору в ней было поменьше. А сидящая по правую руку от нее Анастасия Рудышкина, с мелкими злыми глазками, что недобро поблескивали из-под густых ресниц, ловко достала из небольшого холщового мешочка уродливую косиножку и с мерзкой ухмылочкой, не таясь, кинула ее прямо в мою тарелку. Каракатица с длинными противными лапками шлепнулась в жидкую сероватую кашу, лишая меня еды. Нет, я то могла выловить ее и съесть завтра, но желудок у нас с Софьей был общим, и я чувствовала, мое новое тело подобное варево в себе не удержит, а я жуть как не любила расставаться с едой, которую уже в себя положила.

Это стало последней каплей. Не знаю, как приличные барышни решают подобные проблемы. Софья раньше, помнится, обычно рыдала и оставалась голодной, не смея противиться. Я же поступила иначе: в одно мгновение я подхватила левой рукой свою тарелку с кашей, правой стакан с чаем и с ледяным спокойствием опрокинула содержимое одного на голову Анастасии, а другого — на голову Елены. Густая, еще теплая каша растеклась по аккуратной прическе Анастасии, а чайная заварка растеклась по волосам Елены.

Пока они визжали, а дамы-надзирательницы уже бежали к нам со всех ног, я совершила молниеносный бросок коб-

ры, подхватила тарелку с кашей, предназначенную Ларисе, и с невозмутимым видом, словно это было самое обыденное дело, надела ее на голову хозяйке, приговаривая с легкой усмешкой:

— Думаешь, одна я останусь голодная?

Какая бы воспитанная барышня ни была, тарелка с липкой, остывающей кашей на голове неизменно превращает ее в визгливую истеричку. Лариса меня не разочаровала: она вскочила, заорала, заметалась между стульями, пытаясь до меня добраться. Ее подруги, оправившись от первого шока, ринулись меня хватать, и у них вполне могло бы получиться устроить Софье жестокую взбучку, все же их было больше, однако тут подросли дамы-надзирательницы и растащили нас в разные стороны.

— Софья! Это же позор! — накинулась на меня старшая из надзирательниц, суровая старая дева с орлиным носом, в то время как Лариса, утирая слезы с перепачканного лица, рассказывала о моем чудовищном поведении.

Стыдно мне не было. Напротив, вид перемазанных кашей соперниц с клейкой массой в волосах внушал мне тихое, почти злорадное удовлетворение, которое я с трудом скрывала за маской безразличия.

— Но Лариса, ведь это ты начала выгонять Софью из-за стола. Разве не так? — неожиданно раздался спокойный, вкрадчивый голос Полины, и я с изумлением посмотрела на нее. Неужели у меня появились заступники?

Впрочем, подозреваю, Полину волновала вовсе не Софья. Ей просто захотелось насолить Ларисе, которая слыла первой ученицей и парфеткой, удерживая этот статус уже достаточно долго, к немалой досаде многих воспитанниц.

— Не было такого! — тотчас заступилась за подругу Анастасия, вытирая с лица остатки каши дрожащей рукой.

— Конечно, ты покрываешь ее, — вмешалась я с немалым удовольствием. — А не ты ли сама кинула в мою кашу косиножку? Кстати, вон она до сих пор у тебя в волосах запуталась!

Анастасия заорала еще громче, и в столовой поднялся невообразимый шум: звон посуды, крики, топот ног и гул негодования. Все это привело к закономерному итогу. Меня и перепачканных в еде моих обидчиц отправили на разбор к самой Анне Ильинишне. При виде нас у директрисы сделалось такое лицо, словно она узрела нашествие саранчи. Полагаю, на ее памяти во вверенном ей пансионате таких непотребств не творилось. И что делать с нами, она решительно не представляла. Особенно учитывая, что телесные наказания в заведении не практиковались. Считалось, что пансионерки — существа трепетные и слабые. Мы, конечно, сегодня это утверждение несколько опровергли.

Директриса взирала на нас так, что труда не составило догадаться — она бы с удовольствием нас выпорола за такое недостойное и порочащее честь поведение.

— Какие же вы негодницы! — воскликнула Анна Ильи-

нишна, обозревая нас с нескрываемым возмущением. Девочки стояли, опустив головы; Лариса, кажется, тихонечко всхлипывала, время от времени промокая глаза кружевным платочком, который она ловко извлекла из рукава. Я тоже, чтобы не выделяться, понурила голову, слезы у меня и без того текли по щекам. Софья изволила впасть в истерику, и я с трудом сдерживала этот вполне ожидаемый порыв. Хорошо, хоть не в обморок упала, но была близка к тому: колени подгибались, а перед глазами все плыло. — Вы недостойны носить форменное платье!

После этих слов Анастасия, громко всхлипнула, но тут же постаралась взять себя в руки и сохранить остатки достоинства. Я недоуменно покосилась на нее: ну нет, мне сложно проникнуться идеалами институтской чести до такой степени, чтобы рыдать над тем, что я недостойна неудобного платья сомнительного покроя. Впрочем, Анастасия, видимо, искренне верила, что ее мир рухнул и никогда не будет прежним.

— Как вы смели так опозорить себя, меня и сам дух нашего заведения! — продолжала директриса, периодически поднимая глаза к потолку и вознося руки в вверх, видимо, для пущей наглядности.

— Простите нас! — завyli девушки, и в этом многоголосом хоре я уловила ноты искреннего страха.

— А ты, Софья, что скажешь? Молчишь, будто и не стыдно тебе! — обратилась ко мне Анна Ильинишна. — А ведь

ты так недостойно поступила со своими соседками!

— Очень стыдно, — отозвалась я, продолжая разглядывать пол и отмечая, что в кабинете Анны Ильинишны были не простые доски, а добротный дубовый паркет, уложенный елочкой, с аккуратными стыками, поверх которого лежал вытертый временем, но все еще дорогой ковер. И он увлек меня сильнее, чем нотации директрисы.

— Вы не просто поправили все правила приличия, — увещевала нас директриса. — Вы опустились так низко, что не достойны называться настоящими леди! Если о подобном поведении станет известно в высшем свете?! — Анна Ильинишна показательно схватилась за сердце, и ее пальцы, унизанные серебряными кольцами, судорожно сжали кружевной воротник. — Вашей репутации придет конец, и о хорошем замужестве вам не придется и мечтать! А надо ли говорить, что до выпуска осталось совсем мало времени? И ни одна из вас не является такой завидной невестой, которой простят прегрешения?

Тут я даже поспорить не могла: леди, измазанные в каше, зрелище действительно странное. А касаясь меня, я всегда была далека от статуса леди, хоть в прошлой жизни, хоть в этой. В новом мире и в новом теле я, быть может, максимально приблизилась к этому званию, но рабоче-крестьянское происхождение за форменным платьем не скроешь, как ни старайся. Нотацию нам читали долго и мучительно: стыдили, взывали к совести, пугали вечными муками ада и позором.

Наконец, Анна Ильинишна вынесла вердикт.

— А постойте-ка до обеда у меня на горохе, чтобы непременно было, да молитвы почитайте, а то распоясались совсем! — Она сделала строгое лицо и погрозила нам пальцем, на котором тускло блеснул перстень с темным камнем. — Ну, а если вы такие сытые, то обед вам, думаю, не полагается. Постоите на виду у всех, чтобы знали, как безобразничать!

— А умыться можно? — тихонько заскулила Лариса, в голосе которой послышалась неподдельная мольба. Она попыталась пригладить выбившиеся пряди волос, но только размазала кашу.

— А зачем тебе умываться? — шикнула на нее Анна Ильинишна. — Тебя же такой вид устраивает, раз ты позволила подобному случиться.

— Это она нас испачкала! — не унималась Лариса, указывая на меня дрожащим пальцем.

— Настоящая леди ведет себя так, что ей тарелки с кашей на голову не надевают! — поставила точку директриса, и я невольно улыбнулась, но тут же поймала на себе ее суровый взгляд — досталось и мне.

Так как никакого более сурового наказания Анна Ильинишна придумать не смогла, нас в сопровождении дамы-надзирательницы отправили в небольшую церковь, где мы должны были за молитвами в смирении подумать о своем поведении. Девицы рыдали навзрыд, ибо самым страшным наказанием в пансионате считалось носить на груди красный кар-

тонный язык за излишнюю дерзость и есть стоя, словно падшая женщина, на глазах у остальных воспитанниц. Но тут, видимо, Анна Ильинишна не нашла иных способов воззвать к нашему благоразумию, кроме как поставить на колени перед иконами.

— Это ты во всем виновата! — обиженно шипела Лариса. — Нас наказывают, как крестьянок! Никогда еще я не стояла на горохе!

— Нечего было ко мне лезть! — огрызнулась я, не испытывая ни малейших сожалений. В конце концов, мне не оставили никакого выбора. Точнее, оставили, но я решила поставить все точки над «Й», травить я себя не позволю. Чем быстрее мои соседки это усвоят, тем проще и спокойнее нам будет житься следующий месяц.

— Меня теперь сделают мовешкой! — всхлипнула Лариса, и в ее голосе послышалась неподдельная паника. — Мой отец будет в ужасе, если узнает!

— Ты она и есть. — Если Лариса надеялась найти сочувствие, то она, определенно, обратилась не по адресу. — Просто довольно долго у тебя получалось скрываться. А теперь, видишь, и маска слетела.

Лариса снова всхлипнула, и мы получили очередное замечание от дамы-надзирательницы, которая пригрозила, что если мы не прекратим препираться, нам всем выдадут по красному языку, и тогда наша репутация будет погублена окончательно. Мы замолчали, хотя, по мне, красный язык

или в крапинку, какая разница? Душевные терзания пансионеров по этому поводу оставались для меня загадкой. Зато горох вызывал вполне конкретную тревогу: смутное воспоминание Софьи подсказывало, что стоять на нем коленями — это не очень-то приятно. Но у меня на этот счет имелся вполне конкретный план, который я принялась обдумывать, пока мы подходили к церковным дверям.

Церковь была небольшой, с низкими сводами и темными иконами в окладах, тускло поблескивавших в свете масляных лампад. Пахло воском, ладаном и старой древесиной. В углу, у стены уже стояла миска с сухим желтым горохом. Я содрогнулась при мысли, что мне придется его рассыпать и опуститься.

Я не стала дожидаться экзекуции. Едва мы переступили порог, решила, что пора падать в обморок прямо тут на ступенях. Софья не подвела: она и так, не евши уже давно, держалась из последних сил, и пережитый стресс сделал свое дело. Я рухнула красиво, даже не ударившись, и замерла, прикрыв глаза.

— Она притворяется! — завопила прозорливая Лариса и от негодования даже ногой топнула. — Все этот прием знают! Не верьте ей!

Дама-надзирательница сначала решила так же. Она наклонилась надо мной, строго позвала по имени, даже слегка шлепнула по щеке, но я не подавала признаков жизни. Тогда она велела принести воды, но и это не помогло. Я лишь чуть

приоткрыла глаза, закатила их и снова провалилась в беспамятство, стараясь, чтобы дыхание было поверхностным и слабым.

Пришлось посылать за Акулиной. Та явилась быстро и встала на мою сторону.

— А я еще вчера Анне Ильинишне говорила, что рано Софью отпускать из лазарета, — строго сказала она надзирательнице. — У нее нервное истощение. Нечего было на нее так наседать.

— Не рано, а вон, что за завтраком учудила! — возразила дама-надзирательница, но ее голос звучал уже не так уверенно.

— Это нервическое, — уверенно отрезала Акулина. — Вы бы сами в гробу очнулись, когда вас едва не закопали живьем, еще неизвестно, что бы сотворили. А она, бедная, и так еле дышит. Я забираю ее в лазарет.

Дама-надзирательница предусмотрительно промолчала, видимо, не желая связываться с колдуньей, которую даже Анна Ильинишна побаивалась. Акулина тут же распорядилась принести носилки, и меня торжественно препроводили обратно в уже знакомую комнату, где я, наслаждаясь тишиной и покоем, уснула. Наверное, мой организм и правда был ослаблен, и выходить из лазарета было рано. Если обморок я симитировала, то вот сон был самым что ни на есть настоящим, глубоким, без сновидений.

Проснулась я от легкого шороха и, приоткрыв глаза, уви-

дела, как в дверь лазарета крадется Полина. Она несла в руках чашку с дымящимся чаем и небольшой открытый пирог, по виду, с яблоками.

— Тебя не наругают? — спросила я, приподнимаясь на локтях и с благодарностью глядя на угощение.

— Не-а, — отмахнулась она, усаживаясь на край кровати. На запястье Полины я заметила тонкую нитку, обвязанную наподобие браслета. Как только она поймала мой взгляд, то поспешно одернула рукав, не прекращая рассказывать. — Акулина Павловна сказала, что твое поведение от нервов, и тебя надо не ругать, а лечить. Так что Анна Ильинишна часть наказаний отменила. Правда, с красным языком тебе походить все же придется, но это не так страшно, как стоять на горохе, верно?

Она взглянула на меня с такой жалостью, что мне стало неловко. Я была не уверена, что могу изобразить на лице подобающее случаю скорбное выражение, потому что искренне не понимала всей этой катавасии вокруг картонного языка. Но, видимо, мой опыт позволял скорчить соответствующую мину, потому что Полина удовлетворенно кивнула и принялась рассказывать, что произошло в столовой после нашей стычки.

Я слушала вполуха, наслаждаясь пирогом — суховатым, но очень вкусным, с кисло-сладкой начинкой. Полина говорила, что девушки разделились: кто-то счел меня достойной обожания, возведя в ранг героини, наконец-то, давшей от-

пор Ларисе, которой слишком долго из-за привилегированного статуса, сходило все с рук; другие же считали, что мы никогда не отмоемся от позора и наше поведение бросило тень на весь пансионат.

Я жевала пирог и только качала головой. Голод он утолил лишь частично, но это было лучше, чем ничего.

После того как Полина ушла, я снова провалилась в сон. Теперь уже до самого вечера, чувствуя, как силы понемногу возвращаются ко мне вместе с теплом и уютом лазарета.

Глава 5

Когда я проснулась, за окнами уже сгустилась глубокая ночь. Лишь в стекле отражался дрожащий огонек свечи, стоявшей на тумбочке. Луна скрылась за тучами, и комната утонула в густых, липких тенях, которые переползали со стен на потолок, словно живые. Акулина дремала в кресле, откинув голову на высокую спинку; ее лицо в полумраке казалось бледным, почти восковым, а темные пряди выбились из прически и падали на виски. Почувствовав, что я открыла глаза, она вздрогнула, точно ее коснулись холодной рукой, и, встрепенувшись, проговорила:

— Лежи, Софьюшка, лежи. Я сейчас принесу тебе лекарство.

— Лучше бы поесть, — пробормотала я, чувствуя, как в желудке заныло от голода. Но Акулина, похоже, либо не услышала меня, либо сделала вид. Поднялась с кресла и бесшумно, точно тень, скользнула в приоткрытую внутреннюю дверь, ведущую в соседнюю комнату, где колдунья спала и готовила свои снадобья. Петли чуть слышно скрипнули, и я осталась одна.

Я приподнялась на подушке, опершись локтями о жесткий тюфяк, и потянулась, чувствуя, как приятно хрустят суставы. Тело слушалось лучше, голова была ясной, и я с удивлением отметила, что сейчас чувствую себя почти хорошо:

отдохнувшей, посвежевшей и даже почти смирившейся с этим странным новым миром. Воспоминания и мои, и Софьи больше не казались чуждыми, они сплетались в единый узор, словно две нити, которые наконец-то легли ровно.

Акулина появилась на пороге минут через пятнадцать, держа в руках большую дымящуюся кружку. Тень колдуньи на стене дрожала в тусклом пламени свечи, и я не сразу поняла, что не так. Колдунья протянула мне кружку с едва заметной, слишком ласковой улыбкой, и я уже протянула руки, чтобы принять снадобье, как вдруг заметила, что тонкие, жилистые кисти Акулины обвивает странная темная субстанция, похожая на черный дым, который струился прямо из груди колдуньи, окутывал ее пальцы и тонкой, почти незаметной струйкой стекал к самому краю кружки.

Сердце кольнуло неприятное предчувствие, холодок пробежал по спине. Я отдернула руки.

— Глотни сама, — приказала я, отшатнувшись к спинке кровати.

Акулина вздрогнула, и в ее глазах мелькнуло что-то похожее на удивление, смешанное с раздражением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.